

Александр Давыдов

Антисоветское подполье и ВЧК (1918–1919)*

Alexander Davydov

(Herzen University, Saint Petersburg, Russia)

The anti-Soviet Underground and the Cheka (1918–1919)

DOI: 10.31857/S2949124X24010198, EDN: CAOXAQ

Монография В.С. Измозика и А.Б. Гехта посвящена одному из значимых сюжетов истории Гражданской войны в Советской России. Речь в ней идёт о столкновениях чекистов с антисоветским подпольем в Петрограде, что во многом определило курс большевистского руководства на укрепление карательного аппарата.

В советской историографии 1920–1980-х гг. коммунисты изображались благородными борцами за счастье народа, а их противники – предателями. Авторы новейшего труда, стремясь к максимальной объективности и полноте исследования, обратились к анализу документов из нескольких федеральных и местных архивов. Среди них – Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Российский государственный архив Военно-морского флота, Центральный архив ФСБ России. Изучались также справки, предоставленные службами регистрации и архивных фондов Управлений ФСБ России по Омской и Псковской областям. Важная информация была получена в ходе личных бесед Измозика с потомками участников описываемых в книге событий – чекистов и их врагов.

Монография состоит из трёх разделов. В первом воссоздан контекст противостояния заговорщиков и Петроградской ЧК (ПЧК), показана роль британского разведчика Пола Дюкса в антисоветском подполье; во втором помещены воспоминания Дюкса, пе-

реведённые на русский язык Гехтом и научно откомментированные им совместно с коллегой по исследованию; в третьем даны портретные зарисовки некоторых активных деятелей противоборствовавших сторон. Авторство большей части монографии принадлежит Измозику.

Дюкс характеризуется как разносторонняя личность («прекрасный музыкант»), а также «очень смелый» человек (имевший «привычку упорно смотреть в глаза собеседнику и молчать»), судьба которого была полна приключений (с. 50). В ноябре 1918 г. он нелегально прибыл в Россию через финскую границу и в течение нескольких месяцев сумел создать антибольшевистскую организацию в Петрограде. Наряду с артиллерийскими офицерами туда вошли избежавшие ареста члены разгромленных объединений оппозиции – подпольной группы английского военно-морского атташе Френсиса Кроми и нелегальной военной организации «Великая единая Россия» (с. 43, 47, 139).

Выделено два этапа работы тайного общества. Подчёркивается, что до октября 1919 г. в его деятельности доминировали разведка, изучение настроений населения, а также обеспечение регулярных связей с зарубежными центрами (английским и французским) и руководством Белого движения на Северо-Западе. Измозик пришёл к выводу об исключительной значимости информации,

* *Измозик В.С., Гехт А.Б.* Британский разведчик Пол Дюкс и петроградские чекисты. СПб.: Крига, 2022. 624 с.

которой располагали лидеры подпольщиков. К примеру, среди осведомителей Дюкса был помощник заведующего Активной частью Особого отдела ПЧК А.Н. Гавришенко. В то же время авторы монографии сомневаются, что некая «В. Яковлева», упомянутая в источниках, — это Варвара Яковлева, председатель ПЧК в ноябре 1918 — январе 1919 г., ценные новости от которой якобы поступали заговорщикам через её любовника, военного моряка И.Д. Покровского. Высказано предположение, что «В. Яковлева», скорее всего, жена морского офицера Ф.Ф. Траншина (с. 91, 99).

Среди информаторов — борцов против большевистского режима названы также начальник Штаба 7-й армии, бывший полковник В.Я. (в ряде источников «В.Э.» — *А.Д.*) Люндквист, начальник Штаба Балтийского флота А.В. Домбровский. Авторы констатируют, что «в своих действиях на протяжении 1919 г. английские силы и Северо-Западная армия белых опирались на сведения, получаемые от агентуры из Петрограда» (с. 29, 53, 90, 91). Заметим, что глагол «опирались» вряд ли уместен в данном контексте, поскольку на самом деле достоверно неизвестно, в какой степени (сравнительно с другими источниками) упомянутая информация использовалась врагами советской власти.

Дюкс выступает в книге в двух ипостасях: он не только английский разведчик, но и подпольщик, организатор борьбы российских мятежников с большевиками. Установлено, что в сентябре—октябре 1919 г., после отъезда из России, он передал дела по резидентуре Н.В. Петровской, своей ближайшей помощнице. Тогда же координатором петроградского антибольшевистского заговора стал капитан Ю.П. Герман, уполномоченный генерала Н.Н. Юденича (с. 72, 73, 353, 378).

С начала октября 1919 г. инсургенты сосредоточились на подготовке вооружённого выступления с целью оказания помощи Юденичу в захвате Петрограда. В расчёте на успех этой операции было сформировано временное правительство во главе с профессором А.Н. Быковым (с. 73).

Измозик удалось оценить силы антисоветского подполья и конкретизировать его планы. Согласно подсчётам учёного, в рядах заговорщиков находилось около 700 человек. Они предполагали овладеть стратегически важными пунктами — Смольным, зданиями ПЧК и Первого дома Петроградского совета (гостиница «Астория»). При этом справедливо ставится под сомнение основательность их надежд на поддержку со стороны рабочих-путловцев, личного состава 2-го запасного полка и запасных батарей. По мнению исследователя, перевес большевистских сил (до 40 тыс. человек в Петрограде и в его окрестностях) с самого начала не оставлял заговорщикам никаких шансов (с. 77—78). Более того, высказано предположение, что деятели антисоветского Северо-Западного правительства (находившегося в Ревеле) и контрреволюционного подполья опасались своей возможной победы, ибо не представляли, каким образом в этом случае смогут прокормить 700-тысячный город (с. 79).

Труд петербургских историков основательно фундирован и побуждает читателя задуматься над вопросами, важными для понимания советской истории. Так, Измозик, ссылаясь на текст письма руководителя одной из боевых групп мятежников Э.В. Бажо, подчеркнул «энергию» большевистских вождей, благодаря которой они, по мнению автора документа, обязательно «препятствия устранят» (с. 84—85). Здесь подмечен психологический аспект, важный для осмысления фе-

номена победоносности «красных». Под этим углом зрения рассматривал политику ленинцев и Б. Рассел, британский философ и общественный деятель. После поездки в Советскую Россию в 1920 г. он писал: «Большевизм внутренне аристократичен и внешне воинственен... Коммунисты мужественны, энергичны, способны властвовать, всегда готовы служить государству». Впрочем, Рассел обращал внимание и на оборотную сторону «энергичности» большевиков — склонность к диктаторству и недостаток «обычной снисходительности к плебсу»¹. Он был одним из тех проницательных современников, которые ещё в ходе «русской смуты» осознали, что советская власть — это «всерьёз и надолго». Измозик разделяет мнение, согласно которому большевистская гегемония не могла быть уничтожена военно-политическими методами. При этом он признаёт бессилие коммунистов перед народной стихией и констатирует: «Через год Советская Россия столкнётся с опаснейшим политико-экономическим кризисом, выход из которого будет найден в переходе от военного коммунизма к нэпу» (с. 85).

Характеризуя бесславный финал сподвижников британского разведчика, историк пишет о том, что основные части их организации были раскрыты в начале ноября 1919 г. Арестованных оказалось так много, что советская пропаганда принялась раскручивать (с подачи Г.Е. Зиновьева) сюжет о разоблачении грандиозной «английской шпионской организации» (с. 68, 86, 89, 94).

Измозика удалось подсчитать, что под следствием оказались 718 человек. Из них 144 обвиняемым, согласно январско-мартовским постановлениям ПЧК 1920 г., были назначены различные меры наказания (включая смертную казнь), а 410 бывших под-

польщиков освободили из-под стражи; сведений о судьбе 164 арестантов обнаружить не удалось (с. 122, 410). Очевидно, что, несмотря на чрезвычайность ситуации, во многих случаях чекисты не рубили безоглядно головы направо и налево, а старались разобраться в степени виновности задержанных, в результате большинство из них вышли на свободу. В то же время в книге приведены факты вопиющего нарушения законности. К примеру, несколько «бывших» (в том числе гр. А.И. Мусин-Пушкин) были осуждены на сроки от 5 до 10 лет за обнаруженное у них стихотворение, сочтённое следователем антисоветчиной. Судьбы многих обвинённых авторы проследили до конца их жизни. Например, они выяснили, что упомянутого Мусина-Пушкина, в 1930-х гг. работавшего электриком в больнице им. Н.А. Семашко в Архангельске, тогда арестовали в очередной раз, а в 1938 г. расстреляли (с. 117).

Текст монографии даёт ёмкое и полное представление о механизме функционирования ПЧК. Обоснована мысль о том, что методы работы органа революционной законности в целом были обусловлены общей обстановкой «русской смуты». В то же время подчёркивается, что очень многое зависело от «человеческого фактора» — поведения конкретных сотрудников «чрезвычайки». В книге приведена выдержка из инструкции комиссарам и следователям, где им предписывалось «не кричать», и содержался совет: «Прежде чем говорить, нужно подумать» (с. 33).

Читатель научного труда узнает об организационных, кадровых и других проблемах в работе чекистских структур. Отмечено особое место ВЧК в политической системе советской власти: руководители петроградской спецслужбы нередко игнорировали решения высшего законодательно-

го органа республики. Так, глава чекистов города И.П. Бакаев отклонил официальное предложение Президиума ВЦИК освободить заключённого (с. 111). В монографии затрагивается тема большей ригористичности чекистов Петрограда в сравнении с Москвой. В новой (с марта 1918 г.) столице арестованных ожидала «меньшая опасность расстрела» (с. 98). Недаром в городе на Неве большую группу заговорщиков казнили 17 января 1920 г. — именно в тот день, когда вступило в силу решение Политбюро ЦК РКП(б) об отмене смертной казни в связи с военными победами над основными врагами советской власти.

Что касается воспоминаний Дюкса «Красные сумерки и рассвет. В большевистской России: приключения и размышления», то они, по моему мнению, являются источником для изучения не столько антисоветского заговора, сколько советской повседневности и политической реальности. Непосредственный свидетель событий столичной жизни, Дюкс оставил немало ярких зарисовок (облава на торговцев Сенного рынка, преследование мешочников, сожжение на большевистском митинге при всеобщем восторге чучела немецкого премьер-министра Ф. Шейдемана, и т.д.) (с. 228, 238, 259). В то же время англичанин имел весьма приблизительное понятие о положении русской деревни. К примеру, он ошибочно считал, что в результате революции крестьяне обрели право частной собственности на землю (с. 335).

Измозик и Гехт фиксируют «глубокий интерес и порой даже симпатию» автора воспоминаний к гражданам Советской страны. Они обращают внимание на его «искренний призыв» к соотечественникам «не смотреть на Россию через призму клише и стереотипов» (с. 126). Дюкс признаёт, что старался освободить рукопись от всех

деталей, по которым можно было бы вычислить участников событий, ведь большинство из них остались в России вместе со своими семьями (с. 273). Это придаёт особую ценность подробным комментариям публикаторов, которые восполнили лакуны в изложении фактов, а также исправили ошибки мемуариста.

Ещё одной заслугой историков следует признать выразительные психологические портреты ряда исторических личностей, помещённые в последнем разделе. Так, представляет интерес глава о соратнице Дюкса Н.В. Петровской (Вольфсон). Сообщается, что она, «молодая женщина (1875 года рождения) революционно-социалистических убеждений, не принадлежавшая к подпольной организации», в 1896 г. выполняла роль «невесты» В.И. Ленина. По просьбе семьи Ульяновых она под видом суженой будущего вождя на протяжении двух месяцев (с марта до начала мая 1896 г.) посещала его в петербургском Доме предварительного заключения, снабжая обедами перед отправкой в ссылку (с. 360—361). Впоследствии героиня очерка закончила Женский медицинский институт, работала врачом, вышла замуж за инженера А.А. Петровского. Высказано предположение, что по причине влюблённости в Дюкса, а также из-за разочарования в политике большевиков Н.В. Петровская в 1919 г. стала активной участницей антисоветского заговора (с. 377). После ареста она выдала чекистам организацию (как тогда говорили, «разоружилась перед советской властью»). В 1922 г., после трёх лет тюремного заключения, Петровская вышла на свободу и умерла своей смертью в 1935 г. Измозик характеризует её биографию как психологический парадокс: «Так закончилась жизнь женщины, побывавшей “невестой” В.И. Ульянова и близкой

сотрудницей английского разведчика Пола Дюкса» (с. 378, 381). Примечательной особенностью монографии является акцентировка внимания на семейных историях. В частности, подробнейшим образом прослеживаются судьбы членов семьи Петровской, пострадавших из-за родственной связи.

Обстоятельно описаны и превратности жизни члена заговорщической организации И.Р. Кюрца — бывшего журналиста, преподавателя, в царское время связанного с разведкой. Он назван «даровитым человеком, причастным к хитросплетениям российской политики первой четверти XX в.». Арестованный в январе 1920 г. и ставший агентом ОГПУ, Кюрц использовался в качестве «наживки» для выманивания Дюкса из-за границы в Россию, однако, не оправдав надежд спецслужб, в начале 1930-х гг. был расстрелян «за шпионаж в пользу Японии» (с. 435, 440—442).

В фокусе внимания авторов находятся также взлёты и падения руководителей и агентов ПЧК. Они выделили три группы чекистов. Представители одной из них в условиях работы, связанной с арестами и расстрелами людей, теряли человеческий облик, превращались в упивавшихся властью садистов. Другие воспринимали своё служебное назначение как знак высшего доверия партии, а себя — как особую касту. Третьих тяготила профессия, и они стремились сменить сферу деятельности. К последним принадлежал Бакаев, председатель ПЧК с сентября 1919 г. по сентябрь 1920 г. Недавно он подавал начальству прошения об отставке, мотивируя своё решение усталостью (с. 452). При этом он оставался истым коммунистом; например, вопреки возражениям председателя ВЦИК М.И. Калинина, он настоял на демонтаже почти двухтонного серебряного обрамления иконостаса Александро-Невской лавры (с. 454,

455). Разумеется, Бакаев не смирился с подавлением партийной демократии, входил в состав оппозиции и на Первом московском процессе по делу «Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 г. был приговорён к расстрелу. Вслед за ним погибли жена и 11 родственников, а трое детей остались сиротами (с. 466).

Перипетии революционной эпохи отразились и на судьбе Н.П. Комарова, преемника Бакаева на посту председателя ПЧК, который также тяготился причастностью к репрессиям и по мере возможности старался избегать расстрелов. В биографиях двух главных чекистов Петрограда было много общего: они происходили из бедных крестьян, получили рабочую специальность, боролись с царизмом. Авторы исследования подводят читателя к ответу на вопрос: почему хорошо зарабатывавшие (т.е. материально обеспеченные) пролетарии активно шли в революцию. Подчёркивается, что осознание себя как личности побуждало человека требовать уважения со стороны властей (неслучайно во время забастовок рабочие настаивали на обращении к ним на «вы») (с. 474). К 1920-м гг. за плечами обоих деятелей были аресты, царские тюрьмы, сражения Гражданской войны, чекистская и советская работа. Однако развернувшаяся вскоре внутривластная борьба развела их по разным политическим лагерям. В отличие от Бакаева, Комаров неизменно следовал сталинскому курсом, выступал против оппозиционеров и достиг поста председателя исполкома Ленсовета. Занимая эту должность, он, в частности, энергично продвигал проект замены фигуры ангела с крестом (на Александровской колонне) статуей Ленина или же фигурами красноармейца и рабочего. Напомним, что и Бакаев примерно в те же годы яростно борол-

ся за демонтаж церковных памятников... Конец же у обоих большевиков оказался один: они погибли в ходе Большого террора, предопределив печальную участь своих родственников (с. 476, 492, 496).

Не оставит читателя равнодушным и повествование о друзьях-чекистах — Э.М. Отто и А.Ю. Риксе. Их следует отнести к первой из категорий чекистов — упивавшимся властью садистам. Характерно сходство этих персонажей, отличавшихся подозрительностью, классовой непримиримостью, отказом от жалости к людям «во имя светлого будущего» (с. 503). Не зря Ф.Э. Дзержинский называл Отто «маньяком». Красно-речивая деталь: эти двое любили составлять схемы родственных связей лиц, привлекавшихся по делу (с. 508, 512). Ценность опыта работы в ЧК, основанного на революционном правосознании, заметно упала во времена нэпа, когда, по словам Измозика, были восстановлены «буржуазные условности и прокуратура». Уволенные из ВЧК, Отто и Рикс стали советскими служащими, а в 1936 г. их расстреляли «за терроризм» (с. 524, 525).

Признавая несомненные достоинства монографии, отмечу непрояснённую позицию авторов относительно дефиниции «Великая Российская революция 1917–1922 гг.» (с. 41, 448, 527). Несмотря на утверждение данного понятия в новейшей историографии, оно вызывает вопросы, а потому вряд ли стоило его использовать без особой необходимости. К сожалению, в тексте есть неточности. Так, на с. 349 речь идёт о 600 тыс. членов

РКП(б) к концу 1919 г., в то время как сложение чисел, приведённых на с. 351, даёт в сумме 400 тыс. (с учётом членов и кандидатов в члены партии). На с. 477 Николай Павлович Комаров назван «Николаем Петровичем». Кстати, досадно, что не указаны уже установленные дата и место ухода из жизни Н.И. Иванова, заместителя Комарова на посту главы Ленсовета².

В заключение обратим внимание на суть драматического конфликта, представленного в монографии. Это — противостояние между заговорщиками, происходившими преимущественно из культурного («верхнего») слоя общества, и чекистами — в основном выходцами из «низов». Следует согласиться с авторами в том, что взаимное неприятие двух «внутренних России», перешедшее в острейшую фазу Гражданской войны, отражало глубинный социально-культурный раскол, формировавшийся на протяжении веков (с. 526). Неприязнь народных масс к меньшинству («господам») воплотилась в сокрушительном революционном взрыве, а завершилось всё простым переворачиванием социальной пирамиды с сохранением привычных общественных иерархий и дисциплинарных практик. В книге Измозика и Гехта показан процесс «пожирания» революцией своих детей.

Примечания

¹ *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М., 1990. С. 18.

² *Давыдов А.Ю., Кириллова Е.А.* Советский управленец Н.И. Иванов: трагедия хозяйственного руководителя 1920–1930-х гг. // *Новейшая история России.* Т. 12. 2022. Вып. 3. С. 682.